

В серии «Другие Миры» вышли книги:

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»
Город Икс

Ирина Котова
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие
VII. Огненный путь

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир
Пепел на ветру

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
I. Испытание ведьмой
II. Быть ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора
Золушка и её команда

Вероника Ягушинская
Любовь по-драконьи

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения
Птица в клетке

Кира Стрельникова
Своенравный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова
Модус вивенди
Железный регент
Железный регент. Голос Немого

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой
Погоня за сокровищем

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн
Ветер Севера. Аларания

Ольга Миклашевская
Это все магия!

Алина Лис
Маг и его кошка
Изнайка судьбы

Лариса Петровичева
Лига дождя

Александра Черчень
Господин моих кошмаров

Евгения Сафонова
Лунный ветер

Валентина Савенко
Вдова мастера теней

Дарья Кузнецова

ЖЕЛЕЗНЫЙ РЕГЕНТ

Голос Немого

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Кузнецова, Д.
К89 Железный регент. Голос Немого : роман /
Дарья Кузнецова. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 384 с. — (Другие Миры).

ISBN 978-5-17-110986-8

Выбирая себе мужа, Тия Дочь Неба молила богов о милости. Она не ждала счастья, ведь брак по любви — невиданная роскошь для кесаря. Тия просила лишь о спокойствии. И о мужчине, с которым она могла бы найти общий язык... Но богиня указала юной правительнице на немого чужака, и сложно было не счесть это насмешкой.

Иногда голос сердца звучит громче и отчетливее любых слов, но Тии только предстоит это узнать. А еще — понять, что боги никогда и ничего не делают просто так.

ISBN 978-5-17-110986-8

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Кузнецова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2018

Глава 1.

О брачных обрядах

Тия Дочь Неба

Вокруг расстился сад — глухой, запущенный и оттого жутковатый, угнетающий. Все храмы Вечного Дитя выглядят одинаково: островок полудикой природы, в глубине которого спрятаны небольшие павильоны или беседки. Сейчас, вечером, сад этот больше напоминал глухой лес, в недрах которого притаилось что-то страшное, опасное, недобро глядящее на людей, вторгшихся на его территорию.

Умом я понимала, что никакой опасности нет, что совсем рядом находятся люди, которым можно доверять, что меня защищает сильнейший из когда-либо живших фиров — Ив Ярость Богов. Я чувствовала и даже видела едва заметный защитный купол, укрывавший меня и идущего со мной рука об руку мужчину. Но все это совсем не успокаивало. Мне было страшно.

Пугал не только храм Вечного Дитя и не только сейчас — все последние дни я провела в каком-то непрекращающемся кошмаре. Прежняя тихая жизнь в Верхнем дворце сейчас казалась невообразимо далекой, хотя с ее окончания прошло всего три дня. Крошечный камешек Шипов-и-Пряжи стронул громадный сель больших и маленьких трудностей и проблем, который грозился полностью погresti меня под собой.

Сама церемония помнилась как в тумане: молчащие разочарованные люди, тяжелый бесстрастный взгляд Идущей-с-Облаками, какой-то мужчина под копытами лошади. Я держалась на единственной мысли: нельзя

останавливаться, ни в коем случае нельзя сдаваться, нужно лишь продержаться до вечера, вечером все закончится и станет как раньше.

Глупая мысль, самообман. Вечером я осознала, что как раньше уже не будет. Не будет уютных и веселых вечеров в Верхнем дворце, останется только... одиночество. Чужие и равнодушные люди вокруг, каждому из которых я что-то должна, каждому из которых нужна не я, а госпожа кесарь.

Глупое название. Кесарь — это мужчина, воин, правитель, командующий армией. Мудрец или самодур, транжира или скупец, неважно. Но — мужчина. Я могла вылезать из шкуры, покрываться ржой от усердия, но кесарем для людей останется мужчина на троне, а не девчонка, по недосмотру богов занявшая чужое место. Все победы и достижения неизменно будут приписывать советникам и помощникам, все проблемы — ставить мне в вину. Знала ли я, что так будет? Знала. Была ли к этому готова? Думала, что да, но на деле смирять гордыню и молчать оказалось гораздо труднее, чем я могла рассчитывать.

Поэтому мне как можно скорее нужно было выйти замуж. Не просто так и Даор, и Ив торопили меня с выбором, но до последнего момента я отчаянно сомневалась и трусила. Это ведь муж. Один и на всю оставшуюся жизнь.

Я не надеялась, что выйду замуж по любви — это недопустимая роскошь в моем положении. Больше, о чем я могла просить богов и на что могла надеяться, — это человек рядом, который не будет мне противен, с которым я смогу найти общий язык. И Идущая-с-Облаками ответила на мою просьбу — не в день представления и венчания, а до этого, явившись мне во сне.

Мой выбор, так шокировавший окружающих, был ее выбором. Нет, она не говорила прямо: выходи вот за этого, а то будет хуже. Но велела выбирать не глазами и не умом, а назвать того, у кого есть сердце. И, судя по словам Халы, по моей просьбе наблюдавшего за кан-

дидатами на эту роль, последним качеством обладали немногие. А из них, увы, больше всего подходил немой альмирец.

Насмешка богов. Я просила того, с кем смогу найти общий язык, а получила немого.

Конечно, я могла выбрать другого, но пришлось поверить Пустой Клетке и положиться на дана, который едва не надорвался ради меня, слушая эмоции и чувства полусотни мужчин. Со слов Халы, Стъэль, искренне пожалевший девочку, на чью голову возложили Шипы-и-Пряжу, оказался самым искренним из всех.

И вот сейчас я шла с этим чужим, незнакомым человеком, чтобы через несколько минут назвать его мужем. И рядом — никого, способного поддержать, ободрить, сказать теплое слово.

Сказать.

Все подобные мысли чем дальше, тем больше казались мне издевательством. Не скажет, даже если захочет. Потому что немой.

По-хорошему, его высочество принца Стъэля не в чем было винить, он вел себя безукоризненно. Был вежлив, предупредителен, сдержан и ничем меня не обижал. Это даже удобно: на словах он не сможет сделать подобного и при большом желании. А для того чтобы обидеть действием и при этом не нарушить закон и правила приличия, надо еще постараться. И ведь даже толкового семейного скандала не получится. Я кричу, а он руками машет и строчит что-то на бумажке — комедия!

Правда, если потом он утомится и перейдет к рукоприкладству, будет уже трагедия. Стъэль — высокий и сильный мужчина, которому я дышу в подмышку, он меня с одного удара убьет.

Нет, умом я понимала, что сам Стъэль ни в чем не виноват, что он куда больше меня страдает от собственного недостатка и с радостью все изменил бы. Поэтому, конечно, я старалась держать себя в руках, следить за словами, чтобы ненароком не обидеть будущего мужа каким-то замечанием о его увечье. Даже потихоньку

начала учить язык жестов, благо в библиотеке нашлась толстая книга с многочисленными гравюрами. Потому что не дело это — общаться посредством таблички, хотелось бы понимать будущего мужа и так.

Я, конечно, сознавала, что остальные были хуже, что Идущая-с-Облаками не стала бы меня обманывать и что Хала сделал все возможное, а дальнейшее в наших руках. Но...

Мне было страшно. И будущий муж пугал едва ли не сильнее всего прочего.

Да дело было не в самом Стёле, не в его немоте и внешности: к обезображенному лицу можно привыкнуть, хотя в первые мгновения я и вздрагивала от вида этих шрамов. Меня пугало, что скоро совершенно чужой, незнакомый черно-белый мужчина с вечно хмурым выражением лица и тяжелым взглядом станет моим мужем. То есть самым близким человеком. Мне придется делить с ним постель, учиться мириться с его недостатками, привыкать к его внешнему виду. Было страшно представить, что через несколько минут я окажусь в его полной власти.

На задворках сознания порой вспыхивала здравая мысль, что все это глупости, что принц никакое не чудовище, а даже если муж вдруг попытается сделать что-то плохое, найдется кому за меня вступить. Тот же Даор или Ив никогда не дадут меня в обиду. Но страха эти мысли не умаливали. Страх — и зависти к Железному регенту.

Мне было ужасно стыдно за последнее чувство, но глупо было врать самой себе. Да, я завидовала тому, как Ив смотрел на Рину, как она сияла при взгляде на него. Искра даны сверкала так ярко, что не заметить это мог лишь слепой...

И я отчаянно жалела, что меня к жрецу ведет чужой, холодный незнакомец, по непонятной причине просивший моей руки.

Впрочем, нет, по вполне понятной. В то, что мой будущий муж — Знающий, меня посвятили на следующий

день после сговора. Он же сам и посвятил. Честно сообщил, что должен был просить меня о браке, поскольку того хотели боги и это было правильно. Наверное, в тот момент и родилась моя непонятная обида на Стёля.

Глупо. Ну не могла же я всерьез надеяться, что он влюбился с первого взгляда и потому пришел? Не могла. Но так хотелось чего-то кроме долга и обязательств, что бороться с этой обидой не было никаких сил.

С обидой и чувством одиночества. Тоже неправильным, нечестным, надуманным, но оттого не менее острым.

Меня никто не оставлял один на один с проблемами. Больше того, основную их часть взяли на себя те же люди, которые заботились обо мне и остальных детях кесаря всю мою сознательную жизнь. Ив обеспечивал безопасность, именно он и Даор буквально заставили народ принять нежеланного правителя. Если бы не они, представление наследника вполне могло закончиться бунтом, и для всей страны это был бы крах.

Железный регент и его новоявленная супруга искренне беспокоились обо мне, и Ина Пастушья Свирель тоже старалась поддержать, любую свободную минуту проводила со мной и всячески развлекала.

Но Ив и Рина смотрели друг на друга с такой нежностью, о какой я не могла и мечтать, у Ины был Хала, и я отчаянно злилась на них всех. Презирала себя за это, ругала, корила, но чувства мои были мне неподвластны.

Поэтому я даже рада была отвлечься от личных переживаний на государственные дела. И кажется, показала себя с лучшей стороны, потому что мной был очень доволен Даор, а это высокая оценка.

Большой совет занял весь первый день моего кесарства с перерывом на обед в компании будущего мужа, вымотал меня донельзя, но окончился, кажется, нашей безоговорочной победой. Разумеется, недовольные остались, и Алый Хлыст не собирался расслабляться, да я всерьез и не надеялась на спокойное начало правления. Но мое право на Шипы-и-Пряжу никто не посмел

оспорить, ключевые посты сохранили люди, на которых можно было положиться, и теперь недовольным было гораздо труднее что-то испортить. Впрочем, никто не сомневался, что они попробуют.

Я с настороженностью прислушивалась ко всем докладам и сообщениям, со страхом брала в руки каждую новую бумагу, чувствуя, что вот сейчас, именно сейчас произойдет то, чего мы боялись, и беды посыплются на Вирату градом. Но, видимо, двух дней было недостаточно для того, чтобы предпринять решительные шаги.

Соседи тоже не спешили доставлять неприятности. Второй день моего кесарства был потрачен — с перерывами на разговоры с Даором и Виго — на прием иностранных гостей. И результаты обнадеживали.

Ламилимал по-претски с неодобрением отнесся к женщине-кесарю, но известие о скорой моей свадьбе примирило его с действительностью, и потому при встрече шах был настроен благодушно. Он пространно и многословно рассуждал о месте женщины, ее роли, долге, достоинствах настоящей жены... Даже не знаю, как я сдержалась. Но зато разговор с претцем заставил меня понять, что не так уж плохо мне живется на моем месте. Потому что мои собственные придворные хоть мысленно и разделяли его точку зрения, но, по крайней мере, держали ее при себе, не пытались поставить меня на место и принудить молчать.

Гроттерия ван Хам с восхищением отнеслась ко мне самой, и общий язык мы нашли быстро. Девушка как раз не одобрила мое поспешное замужество, но мы с ней поплакались друг другу на то, как тяжело жить женщине в мужском мире, и расстались вполне довольные друг другом. Да и посол Ладики оказался очень приятным умным мужчиной, настоящим профессионалом, который и взглядом не намекнул, что недоволен таким собеседником. Поздравил с обоими событиями сразу, выказал удовольствие Владыки от того, что в Вирате наконец-то появился законный правитель, и выразил надежду на дальнейшее мирное сосуществование.

Капитану Драму мой пол и вовсе был безразличен, к Стёлю он относился с уважением, как к настоящему воину, так что с обоими событиями поздравил вполне искренне. Конечно, сделал он это в свойственной островитянам грубой манере, отпустив пару пошлых шуточек, но разговор с ним был самым простым.

А сегодня настал третий день моего правления, и сегодня я выходила замуж.

Точнее, не день, а поздний вечер. Браки совершаются после заката, в часы Вечного Дитя. В древности, в начале времен, пара соединяла судьбы на алтаре Вечного Дитя самым примитивным способом — соитием. С тех пор люди стали с большим пиететом относиться к происходящему между мужчиной и женщиной, и брачная традиция изменилась: теперь в храме ограничивались только обменом кровью и поцелуем. Но по-прежнему — лишь двое и жрец. В отличие от претцев, мы не делали из свадьбы большого праздника: обряд в храме, иногда — тихий ужин для самых близких, а потом супругам полагалось уединиться на всю ночь. Жрец свяжет наши судьбы только символически, попросит благословения бога, а сама суть обряда оставалась прежней, хотя и перенеслась за двери супружеской спальни.

Вечное Дитя — простой бог. Ему плевать на чувства, для него важны только желания тела.

Мы остановились у подножия миниатюрной беседки, приподнятой на три ступени над узкой дорожкой, вымощенной мрамором. Здесь, посреди небольшой площадки, стояла низкая каменная тумба, на поверхности которой были разложены все необходимые для обряда предметы. Здесь же нас дожидался жрец, в своем травянисто-зеленом одеянии почти сливавшийся с садом.

Мы все с ним сливались. Зеленый — цвет Вечного Дитя, поэтому все обряды, связанные с этим божеством, окрашены и украшены именно им. Даже Стёль был вынужден изменить привычному черному, чтобы уважить бога. Интересно, где он умудрился найти за эти два дня зеленый наряд, сшитый в традициях своей родины?

Жрец, конечно же, знал о том, чьи судьбы ему предстоит объединять. Поэтому нас не просили повторить брачные клятвы, их прочитал сам служитель бога, а от нас потребовалось лишь согласие, которое хмурый Стёль выразил кивком.

Ритуальный кинжал рассек ладони. Ритуальная зеленая лента связала их, порез к порезу. Ритуальная чаша холодной родниковой воды, разделенная на двоих, стала символом жизни, которая у нас теперь тоже общая.

— Подтвердите поцелуем свою готовность вступить в брак, — велел жрец, забирая у Стёля чашу.

Я подняла на своего почти мужа взгляд и вдруг как-то особенно остро ощутила, насколько я в сравнении с ним маленькая.

Мужчина как обычно хмурился, в уголках губ застряла горькая складка. Но взгляд — странно — не был холодным. Я не могла прочесть тех чувств, с которыми смотрел на меня альмирец, но почему-то сейчас стало спокойнее. Он осторожно провел кончиками пальцев свободной руки вдоль моего лица, подцепил за подбородок — аккуратно, но крепко, как будто опасался, что я сбегу. Склонился, на мгновение замер, но потом все же поцеловал. Губы у него оказались сухими, неожиданно теплыми и мягкими.

Светлокожий альмирец выглядел похожим на кусок льда или кварца, и почему-то мне казалось, что он весь должен быть если не холодным, то таким же твердым, как его ладони. Глупо. Откуда столь странные мысли? Он ведь касался губами моей руки, и было это прикосновение таким же мягким и аккуратным...

Нет, не таким же. Сейчас Стёль не стал ограничиваться просто прикосновением, обозначением поцелуя. Осторожно ласкал мои губы своими, пробовал на вкус языком. Дразнил? Звал?

Прикрыв глаза, я сосредоточилась на ощущениях, которые будил первый в моей жизни поцелуй. Приятных ощущениях. Мне нравились эти легкие прикосно-

вения, нравилось тепло, которое растекалось по телу. Нравился уютный, горьковато-хвойный запах его кожи. И я потянулась мужчине навстречу — мне тоже хотелось узнать, какой он на вкус и на ощупь.

Ощущения изменились. Странно, но — в лучшую сторону. Поцелуй стал глубже, увереннее, он уже был не просто прикосновением, а чем-то большим.

Стёль отпустил мой подбородок, его пальцы огладили шею, нежно сжали плечо, по руке скользнули вниз. Ладонь мужчины оказалась на моей талии — уверенная, теплая, тяжелая. Слегка надавила, вынуждая прогнуться, и я для устойчивости ухватилась за его плечо.

Эти ощущения тоже были приятными. И когда Стёль через несколько мгновений прервал поцелуй и огляделся, при этом продолжая меня приобнимать, я не поспешила отстраниться. Впервые за последние дни в моих мыслях о будущем появилась оптимистичная нота. Может быть, этот человек мне пока чужой, но его прикосновения и поцелуи не вызывают отторжения, они приятны и... осторожны.

Я с самого начала надеялась, что альмирец тоже будет настроен договориться, чтобы этот странный скоропалительный брак стал если не счастливым, то как минимум необременительным. И, похоже, надежда эта имела все шансы оправдаться. Хотя бы в том, что касалось плотской части союза, а это огромный плюс, учитывая, что мне как можно скорее нужно зачать ребенка, а в одиночестве это вряд ли получится...

Из глубокой задумчивости меня вывел Стёль. Он разомкнул объятия, развязал ленту, сплетавшую наши руки, потом прикоснулся к моему плечу и жестом показал на то место, где недавно стоял жрец. Вопрос легко читался в его взгляде.

Все-таки выразительная у альмирца мимика. Если смотреть только на целую половину лица...

— Имеешь в виду, куда он делся? — уточнила я и пояснила после кивка, едва сдерживая улыбку: — Ушел, чтобы не мешать. Похоже, серьезность наших

намерений не вызвала у жреца сомнений, и он решил не стеснять нас своим присутствием, если вдруг мы соберемся продолжить и подтвердить брак по древней традиции, — я выразительно кивнула в сторону алтаря, расположенного внутри беседки у подножия статуи бога.

Выражение лица Стёля стало изумленно-растерянным, и я все же не удержалась и хихикнула.

— Иногда находятся желающие, и служители бога только поощряют подобное. Говорят, под алтарем для этого специально кладут свежую простыню...

Мужчина уставился на меня вовсе уж недоверчиво, растерянно покосился на алтарь.

— Пойдем, посмотрим, мне тоже любопытно, — решила я и потянула его в беседку.

В нише под алтарем обнаружилась не только простыня, но и толстый ковер, который, вероятно, предполагалось стелить на холодный мрамор, чтобы подтверждение брака совершалось ко всеобщему удовольствию и без вреда для здоровья.

— Вообще, считается, если сделать все здесь и сразу после церемонии, то брак будет более счастливым и плодотворным, — рассеянно заметила я, с сомнением разглядывая простыню. — Суеверия, конечно. Но может, в этом и правда что-то есть? И стоит потерпеть для дела? — пробормотала совсем уж нехотя. Божественное благословение, конечно, очень нужная вещь, но...

К счастью, за меня все решил мужчина. Сунул ковер на место, отобрал у меня простыню и с явным раздражением затолкал ее в ту же нишу, после чего с хмурым решительным видом потянул меня прочь от беседки, к выходу из храма. И у меня против воли вырвался вздох облегчения. Конечно, можно было потерпеть, но не очень-то хотелось: и без того было боязно, а здешнее окружение тем более не располагало к близости. Хорошо, что не только меня.

Немногочисленные сопровождающие ожидали нас в специальном проходном павильоне — единственном

входе в обнесенный высоким забором сад-храм. Обошлось без неуместных сейчас поздравлений, но улыбки были вполне искренними. Хала, впервые с представления выползший из своей берлоги, внимательно осмотрел нас обоих и удовлетворенно кивнул: кажется, то, что он увидел, Пустой Клетке понравилось.

Храм Вечного Дитя, в котором проходило таинство, был ближайшим ко дворцу из всех храмов Ви́ра, так что путь и к нему, и обратно мы предпочли проделать пешком, тем более вечерняя прохлада располагала, а множество фирских огоньков, освещающих дорогу, позволяли мне не бояться.

Со страхом темноты я познакомилась давно, еще в детстве, когда по нелепой случайности оказалась заперта в крошечной каморке, где хранились щетки и прочие хозяйственные принадлежности, и просидела там несколько часов, пока меня наконец не нашли. Когда выяснилось, что эта мелкая неприятность имела последствия, меня, конечно, быстро вылечили, казалось — насовсем.

А вот три дня назад, после представления, страх неожиданно вернулся. Я понимала, что держать подобное в себе глупо, нужно рассказать тому же Хале и избавиться от этой досадной неприятности. Но Пустая Клетка приходил в себя после представления, и беспокоить его не хотелось, так что я решила перетерпеть несколько дней. Можно было, конечно, поговорить с кем-то еще, с тем же Ивом или Риной, которая как раз осваивала свой дар лекаря душ, но... Глупо, но я стеснялась. Признаваться в слабостях и страхах Хале было просто: он старый, мудрый и при желании безо всяких признаний видел всех насквозь. Откровенничать же с кем-то еще — значило жаловаться и проявлять слабость, то есть было недостойно кесаря. А во мне и так недостает тех достоинств, которые полагается иметь на этой должности.

Сохранить обряд в тайне никто не пытался, поэтому обитатели Нижнего дворца спешили засвидетельствовать почтение. Не мне — своему новому правителю. Не-